

Николай Добролюбов

«Воскресший Белинский»

Николай Александрович Добролюбов «Воскресший Белинский»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120535*

Аннотация

Статья написана в форме письма к реакционному литератору Н. А. Гречу. Речь идет о статье Н. Греча «18 февраля 1855 года», написанной в связи со смертью Николая I. Статья была опубликована 21 февраля в «Северной пчеле» (1855, № 39). Гневным ответом на нее и явилось письмо «Анастасия Белинского».

Содержание

Примечания
Комментарии

20

Н.А. Добролюбов

«Воскресший Белинский»

Милостивый государь!

Вы, конечно, не стоите того, чтобы порядочный человек стал отвечать вам. Но мое негодование при чтении вашей статьи в «Северной пчеле» о смерти Николая Павловича было так сильно, что я решаюсь позабыть на несколько минут то глубокое презрение, какое всегда питал к вам, и унизиться до того, чтобы писать к вам, имея, впрочем, в виду не столько вас, сколько самое правительство, возбуждающее появление подобных статей^[1].

Неужели вы думаете, что Русь до сих пор так простодушна и глупа, как была за пятьдесят лет тому назад, когда вы только что начинали еще свою позорную деятельность? Тогда вы могли спокойно уверять и уверить всех в вашем руссизме, могли увлечь квасным патриотизмом, могли безбоязненно проповедовать рабское подчинение деспотическим условиям Российской монархии и иметь успех так же, как имеет успех на церковной кафедре скучный проповедник, которого благочестивые слушатели слушают, зевая, и думают: правда, правда, – да ведь уж это все известно давным-давно. Иная старуха, пожалуй, заплачет даже от скуки и умиления, а потом и пойдут слушатели кто в должность – брать взятки, кто

в кабак – выпить, кто в гости – посплетничать. В доброе старое время все точно так же согласились бы с вами в законности тирании, безмолвно и безусловно, а между тем стали бы надувать начальство, воровать казенные деньги и всеми мерами подличать пред первым временщиком. Теперь другое дело: Русь не освободилась еще от подобных злоупотреблений, потому что они неразлучны с неограниченным правлением одного; но она по крайней мере имеет слабость не считать всего этого законным, и уже много найдется в ней голов, готовых осудить всякое мошенничество, хотя бы оно нашлось в самом обожаемом идоле российских монархистов, имеющем весьма мало отличия от древних египетских богов.

«Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца», – говорите вы. Досталось бы вам за подобную дерзость при покойном Николае Павловиче. Как же не стало отца? А новый император? Разве он не отец? Или вы думаете, что он еще слишком молод для этого? Не бойтесь! Окруженный подобными вам пестунами, и он преждевременно состарится, отстанет от века и будет сечь плетью и ставить на колени (с завязанными глазами) своих детей за то, что они не веруют более той святой истине, что рыбки пляшут на сковородке от радости при мысли, что царь будет их кушать.

Во всей вашей статье, с начала до конца, преобладает риторика. Напрасно не сделали вы ссылок на Кошанского или Ломоносова, как он сам делал это в одном из своих похвальных слов. Это было бы по крайней мере честнее. А то ведь,

пожалуй, русский немец подумает (настоящий русский и настоящий немец не подумает), что покойник и в самом деле был и великий, и мудрый, и правосудный, и благочестивый. Что велик-то он был, это правда; но за то, кажется, достаточно вознагражден он уже тем, что гроб для него сделали в три аршина с половиной длины. Нечего было и толковать об этом. Мудрость его выразилась, может быть, в том, что он целый век позволял водить себя за нос иностранным дворам и потом за свои дипломатические неудачи отдувался боками русских солдат, которых для этого насильно исторгал из объятий жен и матерей. Правосудие его достаточно знает каждый правый человек, получавший из какой-нибудь палаты, суда или департамента указ его императорского величества императора и самодержца всероссийского о том, что его процесс проигран, что просьба его не исполнена, что с него требуют штраф, что он присужден к лишению таких-то и таких-то прав. Подобных людей наберется пол-России. Другая половина тоже знает его правосудие, потому что тоже указом его императорского величества императора и самодержца всероссийского утверждалось подделанное завещание, подложный вексель, оправдывалось намеренное банкротство, награждалось чинами и орденами самое отвратительное подличание, возвышались казнокрады и люди, торгующие самыми священными чувствами человека. Знают это правосудие и те многие благородные мученики, которые за святое увлечение благом России, за дерзновен-

ное обнаружение в себе сознания человеческого достоинства терзаются теперь в рудниках или изнывают на поселении в пустынной Сибири.

Что касается его прославленного благочестия, оно не подлежит сомнению. Известно, что православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга; эта круговая порука очень понятна. Я бы мог вам указать на то, что существует, кроме благочестия церковного, благочестие христианское, состоящее в братстве и любви, но вы этого не поймете, и я скажу вам только, что у нас благочестие подделывалось под царя, а не он следовал правилам благочестия. Какой-нибудь солдат Протасов управлял всей церковью русской, и в нем выражалась всегда воля святого духа, который вечно пребывает в церкви. Известно, что монах, и особенно русский монах, готов за орден продать Христа и отложиться от самых святых своих убеждений (если таковые имеются); покойник очень хорошо понял это и управлял архиереями точно так же, как ротой солдат. Ставили в митрополиты молчаливых, давали ордена за то, что архиерей представил из своего округа больше солдат из духовенства; давали им в епархиях право притеснять и терзать несчастных попов, которые в простоте души своей виноваты во всех нелепостях православия ровно столько же, сколько ослы и овцы виноваты в том, что они ослы и овцы. По благочестии же эти две главы церкви подкупили Семашко, который из-за чести быть подручником Протасова не усомнился подверг-

нуть ужасам раздоров, беспорядков и мерзости запустения целых два миллиона униатов, вовсе неприготовленных к соединению с православием. Говорят, Клейнмихель дал оплеуху какому-то архиерею. Не думаю, чтобы он забылся до такой степени; но уверен, что из всех существующих на Руси архиереев разве пяти-шести нельзя сделать этого, пользуясь покровительством царя!.. Царь у нас, как богдыхан, – и первый жрец, и первый сановник. Он, правда, не служит сам обедни; но это только потому, что не хочет. Зато, что хочет, то он беспрепятственно делает в духовных делах; захотел, чтобы обедню для него сократили, – и сократили. Захотел, чтобы многие из праздников были уничтожены, – и послушный синод уничтожил их. Не захотел пускать детей дьячков в гражданскую службу, – и поневоле должны были, бедные, идти в мужики или прямо в солдаты. Не захотел он праздновать в великую пятницу именины своей супруги, – и св. Александра по его воле переехала на два дня вперед со своим праздником. И за все это русская церковь так уверила покойного в его святости, что умирая, он уже не сомневался в себе, даже не просил <о> себе молить православных, а, напротив, сам обещал России¹ свое высокое покровительство, с важностью утверждая, что он будет за нас молиться, хотя об этом никто и не просил его.

Вы говорите, что «он был народолюбив и народом любим». Не совсем удачная игра слов и совсем несправедливая игра мыслей! Пожалуй, можно сказать, что он любил на-

род, как паук любит муху, поповшуюся к нему в паутину, потому что он высасывал из него кровь, – как чиновник уголовной палаты любит преступление и преступников, без которых он не мог бы служить, брать взятки и жалование, – как тюремщик любит арестантов, без которых ему самому некуда было бы деваться, потому что к другой должности он уже большею частью неспособен. В русском царе соединились все эти побуждения в высшей степени: как паук сосал кровь своих подданных, как уголовный чиновник находил пищу для своей деятельности в наказании преступлений и даже издал собственное уложение о наказаниях уголовных и исправительных, где, кроме того, что прежде считалось преступным, также объявил преступлением всякое проявление самосознания, всякую светлую мысль о благе и справедливости, всякое покушение защищать собственную честь против подавляющего тиранства и насилия, – а исправлением (держась пословицы, что горбатого исправит только могила) назначил смерть физическую или политическую. Как тюремщик, наконец, сторожил он свой народ, крепкие кандалы надел на русский ум, не выпускал путешествовать на свежий европейский воздух, как бывало прежде дозволено, не позволял даже узникам размениваться мыслями и понятиями с их родными братьями по мысли, установивши иностранную цензуру, которая, как высокий забор, отделила Россию от всех успехов мысли и науки европейской.

Не знаю, может быть, по-вашему, он достоин за все это

венца небесного, но земной-то венец он носил тридцать лет совершенно недостойно, единственно благодаря тому, что крепка тюрьма русского народа и что в последнее время этот народ совсем отстал от людей и ничего не знает, что делается на свете.

Любил ли он народ, любил ли наш народ кого-либо из царей, любил ли какой-нибудь народ тиранов своих – это еще вопрос, который, не думаю, чтобы мог быть решен в вашу пользу. Не воображаете ли вы, что вы с братиею составляете русский народ? В таком случае вы жестоко ошибаетесь. Знайте же, что для русского мужика царь есть отвлеченное понятие, самодовольное и всеблаженное, потому что имеет возможность *«одно сало есть»*. Для среднего сословия – это всевозможное великолепие, роскошь, золотой мундир, драгоценная порфира, семиверстный дворец – что за личность во всем этом открывается, до этого дела нет. Для аристократов – это опора, на которой утверждаются их собственные притязания и права, дающие им удобство делать всевозможные мерзости. В ком же можно подозревать любовь к царю? Не в вас ли? Поверьте, что вы любите не его, а разве чины и награды, которые он вам давал. Вспомните ваши чувства, когда Востоков получил Станислава, а вы остались со своим комическим, осмеянным юбилеем. Разве не в том ли, может быть, видите вы любовь русского народа к царю, что солдаты прокричат *«рады стараться»*, проходя мимо царя церемониальным маршем: да ведь это форма, солдат стал бы кричать,

если бы ему было приказано командиром: a bas Nicolaus!¹, совсем не понимая смысла этих слов. Или то удостоверяет в царелюбии, что около царя собираются многолюдные толпы, особенно в провинциях; да ведь толпы народа собирались около человека, который наблюдал с площади беззубую муху на Адмиралтейском шпиге. Вы утверждаете, что «Николай Павлович был любимым сыном неба». Не находясь в таких коротких сношениях с небом, как вы, не могу сказать, верно ли ваше замечание. Нам, земным людям, известно только, что он был любимым сыном Марии Федоровны, которая и постаралась отнять для него престол у Константина. Дейтельное участие его в этих интригах доказывает, между прочим, его непоколебимую честность и правдивость, о которой вы отзываетесь с таким восторгом. Последующие события доказывают еще более его неустрашимость: в самом деле, человек, который своего брата не устрасился отравить в благодарность за то, что он уступил ему царство, – такой человек имел много мужества и уж никогда, конечно, не мог остановиться на пути к цели из сожаления пролить невинную кровь нескольких десятков тысяч русских рабов.

Что «он не лишился веры в человечество», как говорите вы, – это, кажется, нисколько не удивительно: имея под руками такой простодушный народ, как русский, трудно не верить в *человечество*, разумеется, понимая его в вашем смысле. Человечества в собственном смысле он не призна-

¹ долой Николая! (франц.) – Ред.

вал; иначе он понял бы, что человек не может быть рабом человека, не может отступить от своей воли, чести, рассудка для того, чтобы повергнуть их к стопам барина, который сознательно или бессознательно мучит его совсем не по-человечески.

Соображая все, чему я был свидетелем в большую половину царствования Николая, я нахожу, что в самом деле в нем сильно развит был фатализм, который вам угодно называть верою и преданностью к богу. К этому фатализму отношу я и его поездку в Москву во время холеры. Если же и нет, то, как хотите, одно из двух: или он считал болезнь заразительною, и тогда его предприятие – глупое донкишотство, или не считал, и тогда... тогда эта поездка замечательна не более, как и ваша поездка за границу.

Грустно и совестно говорить мне о строках, в которых, конечно, против вашей воли, отразилась, как в зеркале, ваша подленькая натура. Вы не находите для частного человека других побуждений к исполнению долга, кроме желания наград и отличий и опасения ответственности. Вот истинно монархическое рассуждение настоящего русского подданного! Вот на чем утверждается сила и благополучие России! Хорошо было бы, если бы все мы руководствовались такими правилами в наших служебных отношениях! До чего может опозлеть и измельчиться человек с этими царственными началами! Ваше превосходительство! замолчите, пожалуйста, на всю жизнь, вы не подвергнетесь ответственности за это, и

даю вам слово, что положу на ваш гроб Андреевскую цепь; пусть ваша душа запрыгает от радости на том свете.

«Как кстати умел он награждать!» – восклицаете вы... Да, нельзя не согласиться: кстати отказался он от выгод частных акций, чтобы дать Клейнмихелю построить Московскую железную дорогу; кстати дал Бибикову неограниченную власть в киевском округе; кстати посылал сыновей на Кавказ и в Крым за Георгием; кстати посылал Паскевича против неприятелей в прошлом году; кстати Орлову дал графство и посадил его в III Отделение; кстати разрешил юбилей темному грамотею Гречу...; кстати поставил Антония митрополитом в Петербург; кстати и Панин попал в юстицию; кстати все эти Адлерберги, Пушкины, Назимовы поставлены на своих местах! Величайший остроумец в мире не придумал бы такого затейливого маскарада, какой представляют все эти сановники, так сказать, помещенные на верхних ступенях государственной иерархии. Впрочем, с другой стороны, нельзя не вспомнить и того, как сослан был на Кавказ генерал, дважды взявший царя в плен на маневрах; нельзя не вспомнить о благоволении, какое оказано было Ермолову, о награде гениальному Дибичу^[2]. Нельзя не вспомнить ссылки Пушкина и Лермонтова, смерти повешенного после прощения Рылева, высланного Искандера, да мало ли кого можно вспомнить. Дело в том, что это сделалось очень кстати, и уж именно на удивление и позор своим и чужим.

Помню и рыцарское его великодушие в восстании декаб-

ристов, в польских делах 1831 года, в заговоре 48 года^[3]. В самом деле, сколько великодушия! Там его величество державным словом обещает забыть все и возвратить имущество изгнанникам: только жаль, что его слову уже не верят, и славный Чарторижский и доселе не посмел воспользоваться правом, обеспеченным надежным ручательством русского царя. В другом случае он *всемилостивейше* повелевает сослать бедных молодых людей на всю жизнь в каторжную работу, лишая их даже счастья славно умереть за святое, правое дело. В отношениях к другим державам он выказал не только великодушие, но и любовь к своему собственному народу. В самом деле, вспомните египетские дела. Не великодушно ли, не благородно ли было, только что кончивши кровавую войну с султаном, – вдруг грудью стать за него, обрекать вновь на жертву смерти свои изнуренные войска, употреблять все средства своей топорной политики для того, чтобы поддержать его против Магомеда-Али, этой великой личности, так много обещавшей для цивилизации Востока?^[4] Не великодушно ли было поддержать австрийского царя против движения свободной мысли и губить тысячи из своего народа, чтобы только не дать восторжествовать правому делу? Не благородно ли, не чисто ли по-христиански было содействовать восшествию на престол Луи-Наполеона и поддерживать его против той фамилии, которой столько покровительствовал в прежнее время русский же царь? Не показывает ли все это невиннейшее, баранье незлобие, забвение обид, любовь

к врагам – только не своим, а своего народа и человеческих прав?.. Настоящий средневековый рыцарь или, еще лучше, пламенный юноша, спасающий лоретку Невского проспекта от преследований хорошенького офицера.

А твердость-то в убеждениях!.. О, это деревянная, каменная твердость!! Неподвижность истинно китайская!!! Да, впрочем, я подозреваю, что в этой голове нечему было и двигаться. Единственное возможное в его понятиях движение, это было движение и передвижение войск. Ему он посвятил всю свою жизнь и думал, что, чем более он будет казаться солдатом, тем счастливее будет его народ; чем более будет терзать несчастные семейства земледельцев рекрутскими наборами, тем прочнее будет благосостояние России, тем непоколебимее стоит ее могущество. Солдат по призванию, солдат по образованию, по наружности и по внутренности, – он ничего не знал и не хотел знать, кроме военной дисциплины. И будто этот человек мог наблюдать за строгим исполнением долга каждым членом государства!!!

Что вы? Да как он мог знать и понимать, хорошо ли идут дела государственные, знают ли свое дело чиновники, учителя, духовные и проч.??? Неужели вы настолько близорукки, что не видите даже того, что у него шил сапоги непременно пирожник, а сапожник в свою очередь обращен был в пирожника? Не видите ли вы, что солдат управлял у него русской церковью; солдаты управляли народным просвещением; солдаты служили дипломатами; солдаты наблюдали за

внутренним спокойствием и благосостоянием? В последние минуты жизни он вспоминал о своих солдатах и просил у них прощения, что не успел сделать для них всего, что хотел. О России он забыл или, может быть, думал, что она вся заключается в его войске. Интересно было бы видеть, что еще хотел он сделать. Вероятно, поставил бы унтер-офицеров митрополитами и попами служить ему обедню, по барабану, да посадил бы их на профессорские кафедры в университетах! И то ведь уж заставил маршировать студентов; желал бы я посмотреть еще марширующих монахов!!!

Да еще куда бы ни шло, если бы солдат-то был по крайней мере хороший! Карл XII тоже был солдат; но в нем как-то уважаешь эту львиную отвагу, этот военный гений, который осмыслял несколько его пристрастие и увлечение войной. Фридрих тоже был солдат; но зато прусская армия была при нем первой армией в мире. Не говорю уже о Наполеоне, который был велик и на войне, и в мире – и как полководец и как законодатель. А наш покойник только и ограничивался тем, что каждый год требовал новых рекрут из святой Руси, посылал их умирать за немецких королей, делал смотры, на которых отличался высоким ростом да громким голосом – и больше ничего!.. Целое царствование не мог он управиться с черкесами и в тридцать лет не мог привести свое войско в такое положение, чтобы оно могло с успехом встретиться в чистом поле с солдатами образованных европейских наций. Величается тем, что бьет турок и персиан, а явился англий-

ский флот, и ни один корабль русский не смел выйти из своей гавани. Высадились союзники, и вот полгода губит наш *капрал* свое войско в Крыму; подвергает невозможным бедствиям несчастных жителей, и до сих пор дожидался, кажется, очень жестокой зимы, чтобы заморозить, как в 12 году, своих врагов, да потом и возвеличить свою мудрую распорядительность. Покойный воображал в этом деле выигрыш себе несколько миллионов славянского населения, находящегося под чужеземного властью. Недоставало только сметки у его величества, что славянские народы довольно хорошо знают его, что если даже придется им менять турецкое подданство на русское рабство, так и тут они еще подумают.

Вы заканчиваете свою статью испрошением благословения сыну царя и всей *великой* семье его. Вероятно, ненамеренно, но вы жестоко сострили над ним. Дело в том, что царская семья действительно, говорят, не ограничивается теми членами, которые перечисляются в календарях. Маленькие графы Клейнмихели, говорят, правильнее могут быть названы Kleinnikolaus². Говорят еще, что благочестивому царю святейший синод дал вечную индульгенцию на все подобные обстоятельства. Зато и он сам, с примерным великодушием прикрывая грешки своей дочки, дал свою фамилию незаконным детям Марии Николаевны.

Не мудрено, что он надеется повалиться прямо в объятия божий на том свете. Он и здесь считает себя чем-то очень

² Николайки (нем.). – Ред.

близким к божеству. Но ведь известно, что божества бывают разного рода – superioris et inferioris ordinis³ – притом небесные, водные и подземные. Мне кажется, что ему под стать будет сидеть на престоле с каким-нибудь Плутоном из черного древа.

Русские надеялись на его сына, но эта надежда очень шаткая. Трудно сыну отрешиться от прежних отеческих правил. Для этого нужно много ума и силы воли. А еще не известно, в какой степени он наделен ими: если и захочет показать их, так, пожалуй, опозорит себя, доказавши только свои претензии и бессовестное упрямство. Да притом статейки, подобные вашей (разумеется, в тысячу раз умнее), не замедлят появиться и окончательно собьют его с толку, заставят забыть, что есть суд истории, что он обязан отчетом перед самим собою и перед целым народом, если осмеливается принимать управление над ним, что он должен угождать народу, а не народ ему, – все это он забудет.

И что за страшная, непостижимая связь, что за отношение между народом и царем!! Должен быть царь, – уж это так, как должен быть конек на крыше у крестьянина! А зачем?! Да хоть бы царь-то хороший! А то – и не избранный, и не русский, и не отличный ничем, а так, какой попался!! Странно, как столько времени люди не могут подняться из грязи предрассудков. А впрочем, что ж такое? Считали же, бывало, кита царем рыб, да и теперь еще некоторые считают;

³ высшего и низшего рода (лат.). – Ред.

а между тем он вовсе даже и не рыба.

Анастасий Белинский

21 февраля 1855 года.

Примечания

Статья написана в форме письма к реакционному литератору Н. А. Гречу и относится к началу 1855 г.

Впервые опубликована в 1951 г. Б. П. Козьминым в «Литературном наследстве», № 57, стр. 8–16; подпись: «Анастасий Белинский» (*Анастасий – воскресший – греч.*).

Комментарии

1.

Речь идет о статье Н. Греча «18 февраля 1855 года», написанной в связи со смертью Николая I. Статья была опубликована 21 февраля в «Северной пчеле» (1855, № 39). Гневным ответом на нее и явилось письмо «Анастасия Белинского». Цитаты в письме – из этой же статьи Греча.

2.

О «благоволении», которое было оказано Николаем I Ермолову, и о «гениальности» Дибича говорится иронически. А. П. Ермолов был уволен Николаем в отставку из-за пугавшей царя популярности, которой Ермолов пользовался в войсках. Дибич, не отличавшийся особым военным талантом, напротив, был в почете у царя.

3.

Польские дела 1831 года – польское восстание 1830–1831 гг.; заговор 48 года – по-видимому, кружок Петрашевского, созданный в 1848–1849 гг.

4.

Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг., закончившаяся победой России, а затем выступление наместника Египта Мухаммеда-Али против турецкого султана в 1833 г. Николай I послал русские войска на помощь

султану.